

Дина Рубина

Гладь озера в пасмурной мгле

Часть сборника
Цыганка (сборник)

Между земель

Дина Рубина

Гладь озера в пасмурной мгле

«ЭКСМО»

2007

Рубина Д. И.

Гладь озера в пасмурной мгле / Д. И. Рубина — «Эксмо»,
2007 — (Между земель)

ISBN 978-5-457-10745-8

«Водители на юге Италии не всегда сигналият по дорожным поводам. Часто они так приветствуют знакомых, притормаживая, чтобы спросить зеленщика Паоло, как чувствует себя жена после родов и достаточно ли у нее молока. А вот по серпантину, в брезентовой будке мотоцикла, рассчитанной на одного, причем, малогабаритного человека, едут двое – старик со старухой. Не знаю уж, где помещается старухина корма, но голову она уткнула подбородком старику в плечо. Монстр о двух лысых головах тарахтит себе по своим овощным делам, отчаянно сигналия; позади в открытом кузове колышутся на ветру папоротниковые пучки свекольной ботвы...»

ISBN 978-5-457-10745-8

© Рубина Д. И., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

1	5
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дина Рубина

Гладь озера в пасмурной мгле

...красота – всегда снаружи; потому что она – исключение из правил. Вот это – ее местоположение и ее исключительность – и заставляет глаз бешено рыскать или – говоря рыцарским слогом – странствовать. Ибо красота есть место, где глаз отдыхает... Главное орудие эстетики, глаз, абсолютно самостоятелен. В самостоятельности он уступает только слезе.

И. Бродский. Набережная Неисцелимых

1

Водители на юге Италии не всегда сигнализируют по дорожным поводам. Часто они так приветствуют знакомых, притормаживая, чтобы спросить зеленщика Паоло, как чувствует себя жена после родов и достаточно ли у нее молока.

А вот по серпантину, в брезентовой будке мотоцикла, рассчитанной на одного, причем, малогабаритного человека, едут двое – старик со старухой. Не знаю уж, где помещается старухина корма, но голову она уткнула подбородком старику в плечо. Монстр о двух лысых головах тарахтит себе по своим овощным делам, отчаянно сигнализируя; позади в открытом кузове колышутся на ветру папоротниковые пучки свекольной ботвы.

Насчет скоростей: да, кто-то любит щекотать себе нервы аттракционом «американские горки», а кто-то всю жизнь просто водит автобусы между Сорренто и Амальфи. Переживания похожие. Во всяком случае, для пассажиров.

Однажды я одолевала обморочные местные виражи, пересчитывала туманным от головокружения взглядом кольца горной дороги, нанизанной на отвесные скалы. И все-таки опять рискнула взобраться на сиденье автобуса, что вальсировал над заливом, как цыганский медведь на ярмарке.

* * *

Где-то я уже рассказывала о своих отношениях с иными языками. Но должна кое-что добавить для высокомерных счастливиц, обладательниц многозвучно оркестрованной гортани.

Да, мои связи с иностранными языками беспорядочны.

Перед очередной поездкой в очередную страну я зачем-то вызубриваю десяток глаголов из разговорника и при случае бойко выстреливаю двумя-тремя фразами, грамматическое строение которых мне неизвестно; все это, нахрапом приобретенное, спотыкается о каменный иврит, который не желает уступить ни пяди, перемежается мусорными «эбсолютли» и «импо-сибл», сопровождается возгласами и дирижерскими взмахами обеих рук в неопределенные стороны; но главное, эти чертовы «данкешён», «варум» и «цузамен», что застряли от весенних немецких гастролей, подло выскакивают в совсем, казалось бы, ловко сбитой английской фразе, довершая образ диковатой и очень общительной русской тетki с израильским паспортом.

– Да, – вздыхает мой муж. – Трудно быть полиглотом... Вот Борис никогда не заботится о том, чтобы кто-то где-то понял его правильно. У него своя метода: он повторяет за собеседником последнее слово и широко улыбается.

– Грация! – несется нам вслед от официантки, довольной чаевыми.

– Грация, – галантно повторяет мой муж, и ступенек через пять добавляет себе под нос: – Грация за изжогу!

Да, завтрак в итальянском пансионе общеизвестен: круассан, принципиальная булочка, твердым моральным устоям которой может завидовать бенедиктинский монах-молчальник, чуток повидла и – хаять не станем! – прекрасный кофе в приличных размерах кофейнике, к тому ж с молоком.

Этот дорожный набор дарит путешественника незабываемой изжогой на ближайшие две недели.

* * *

Та поездка весной 2006-го выпала нам как бы нечаянно, мимоходом. Никто ее особо и не планировал. Просто мне захотелось показать своему художнику места, где за год до того я побывала (и тоже – налетом-подскоком) с легкой на подъем подругой, всегда готовой подсесть меня на пересадке, где-нибудь в Риме или Флоренции, и украсть дня три-четыре из наших будней, скачущих, как шарики пинг-понга в бесконечной игре.

Так, где-нибудь в Старой Яффе вдруг мелькнет справа от машины ряд цветных стекол в ветхих дверях арабского дома, а спустя недели, даже месяцы, посреди какого-нибудь дождливого дня благодарно вспомнишь звонкий этот высверк...

На сей раз поездка распалась на юг и север Италии: несколько ночей в Вернись-в-Сорренто (я и вернулась, притащив на аркане собственного ценителя и назывателя всех оттенков кипящей бирюзы Неаполитанского залива), и несколько ночей на северных озерах, например, на вилле «Ла Фонтане», чья верхняя палуба-терраса всплывает по утренней дымке прямо в Лаго-Маджоре поверх стеклянных и черепичных крыш соседних замков и дворцов.

* * *

О заливчатской, над алчной пропастью блескучего залива дороге в Амальфи вдвоем, я мечтала еще с прошлого года, все эти месяцы, особенно зимние, вспоминая отвесную громаду скал в невероятной прозрачности воздуха, в слиянной лазури небес и воды.

Однако в тот день нам не везло: с утра над головами зависла мелкая сыпь дождя, и когда автобус, ныряя в горные тоннели, вырывал очередной виток дороги, поднимаясь все выше, – казалось, что опускается небо; это облака бесшумными валунами катились по горам, заваливая дорогу, а справа над водой поднимался туманный пар, словно кто-то из простуженных богов кипятил себе воду в заливе для ингаляции.

В такой вот скукотени доехали до Амальфи. И поскольку дождь все настойчивее выпускал по окнам водяные струи, мы вывалились из автобуса и кинулись в ближайшую остерию на портовой площади, надеясь пересидеть там, дожидаться хоть какого-то просветления судьбы.

В прокуренной остерии по такой незадачливой погоде набилось полно народу: туристы, моряки, водители автобусов. Мы пристроились в очередь и минут через десять дождались, нам указали столик, неудачный, на проходе... но уж не до капризов было; сели, развесив по спинкам стульев мокрые куртки. За столом обедала пожилая женщина, в которой мой наметанный глаз тотчас определил «нашу» – и правда, едва услышав две-три фразы, которыми мы обменялись с мужем, она обронила, кивнув на окна:

– И вам не повезло?

Мы поздоровались, назвали просто по именам – Виктория, очень приятно... Посо-
крушались о погоде. Что ж, весна не лето, бывает... Хотя, конечно, эти места без солнца –
все равно, что Москва без Кремля...

Явился, вернее, возник, а еще вернее, был на бегу остановлен официант, и мы заказали
кофе, понимая, что в такой толкучке принесут его не скоро. Да хоть бы и никогда – пока
хлещет по окнам дождь, торопиться некуда.

– Из Сорренто – это еще не беда-а-а... Я из-под Рима приехала, – сказала она. – Мне
давно советовали в Амальфи побывать, и все в один голос: поезжай, Вика, редкая красота! Я
у хозяйки отпросилась, младенца, можно сказать, на произвол судьбы бросила... и, главное,
собирались мы с подругой вместе, а она заболела. Вот уж точно, как моя мама говорила:
ежели с утра ногою в тапочек не сразу попала, можешь из дома не выходить, весь день не
туда покатится...

Завязался разговор... Я описала прошлогоднюю поездку сюда, упомянула заодно и о
Равелло, тут неподалеку, о том, как слепнут глаза от блеска воды в заливе, если смотреть с
самой макушки горы, с бельведера виллы Чимброне...

И как всегда в таких случаях, слово за слово, она рассказала о себе: дочка ее покойной
подруги замужем за итальянцем, живут под Римом, с полгода как родилась девочка, и вот
списались и вызвали из Новочеркасска Викторию – нянчить малышку.

– Дело обычное, – проговорила я.

Она взглянула на меня поверх очков, усмехнулась твердыми губами и возразила:

– Ну, не скажите... – И совершенно отстраненно продолжала: – Я, знаете, всю жизнь
преподавала русскую литературу, считаю себя человеком начитанным, много кого и чего
перевидала, но вот впервые лично столкнулась с тем, что наши классики называли «меза-
льянсом»... – Прищурилась и остро на нас глянула, словно пересчитала – все ли ученики
присутствуют в классе. – Вы наверняка думаете, сейчас стану дочку подруги перевозносить,
а мужа ее поносить, так? Вот и ошиблись... Он – интеллигентный, образованный человек,
из богатой, утонченной, с традициями, семьи...

– А она? – спросила я с интересом, предвкушая некую завязку, за какими всегда гоня-
юсь по ремесленной своей надобности.

Виктория выдержала мой взгляд и спокойно ответила:

– А она – истеричка, стервятница и лгунья. Да и сама откровенно так мне говорит:
«Теть Вика, – говорит, – я, если день кого не обману, день прожит зря»...

Тут нам, вопреки ожиданиям, принесли кофе. У нашей соседки официант забрал
тарелку. Виктория поблагодарила и попросила счет.

– Вы уже так свободно по-итальянски... – заметила я.

– Да где там свободно... Так, несколько обиходных фраз. Надо же как-то с хозяином
общаться. Он ведь по-русски только одно слово и знает: «шельма».

– Как же они встретились, такие разные? – не выдержал Борис.

– Ну это-то проще простого. Он в Петербурге был по делам своей фирмы, увидел в
гостинице, в «Астории», смазливую косметичку, влюбился, привез в свое родовое имение...
А теперь уж деться некуда. Брак католический, незыблемый... Да и любит он эту мерзавку...
Знаете, жалко на него, беднягу, смотреть, когда на нее накатывает. Классическая истерия:
глаза пеленой заволакивает, она орет, ногами топает, матом кроет всех вокруг так, что ее
прадеду, казачьему атаману, на небе икается...

Виктория вздохнула, придвинула к себе счет, что положил на край стола официант,
вытянула из сумки кошелек.

– Пойду, погуляю немного... Дождь, не дождь, надо же билет оправдать... А вам –
счастье! Пусть хоть завтра повезет с погодой. – Надела куртку, завязала на шее бирюзовый
платок, который так пошел бы к цвету воды в заливе, кабы не туман, и улыбнулась: – Носит

нас везде, носит... Где-то я читала стихотворение, только имя автора из памяти вымело, там такая строчка: «между земель, между времен...» Сейчас в мире повсюду – русская речь. В одной Италии, говорят, триста тысяч русских. А я всегда так жадно прислушиваюсь, спешу разговор завести, даже неудобно... По речи нашей скучаю, знаете...

– Ну, это не только нас носит, – заметила я. – Это знак времени такой.

– Да, конечно, – торопливо согласилась она, вешая сумку на плечо. – Может, я ошибаюсь... но мне кажется, что только русской речи присуща некая... трагичность в... чужих землях...

И пошла к выходу, махнув нам рукой на прощанье. В дождь, в медленные гудки пароходов, пересиливающих туман.

Кроме грустной и поучительной истории о незадачливом итальянце, нам в этот хмурый день достались только две картинки в небольшом просвете между дождем и дождем:

Парусник в порту – величественный, неповоротливый, под которым суетилась юркая лодчонка с парусом алым, как вымпел.

И на набережной, у самого парапета – калека-рыбак в инвалидной коляске: нахохлился под капюшоном дождевика, терпеливо поджидая улова. Вдруг резко вскинул руку и выдержал серебристую, в ладонь, рыбку. Аккуратно снял ее с крючка и бережно обернул салфеткой.

На обратном пути из Амальфи в Сорренто, едва взобрались в автобус, вновь грохнуло небо над скалами, бухнули в крышу потоки воды. Тучи, грузно осевшие на каменных карнизах скал, сползали, цепляясь за деревья и кустарники, заваливая смутную в пелене дождя узкую ленту дороги...

И с каждой минутой туман уплотнялся до каменной кладки, и в конце концов совершенно ослепший автобус с включенными фарами медленным утюгом пополз на ощупь по виткам дороги вниз, задыхаясь мокротой тумана и беспрестанно мыча...

Мы и не чаяли уже добраться живыми до нашего пристанища.

И всю ту ночь, просыпаясь, я слышала шум ливня за балконом и вспоминала, как стремительно росла пухлая стена тумана, как хлестал по окнам надсадный дождь и автобус тревожно окликал невидимого встречного на серпантине...

2

Когда странствуешь по Италии, заруливая по пути в разной величины и значения города и городки, возникает впечатление, что святой Франциск Ассизский основательно погулял тут до тебя – в самом разнообразном смысле этого слова. Причем повсюду оставил по себе благодарную память – деятельным был святым...

Раза три мы натыкались на отливку одного и того же памятника: на невысоком постаменте Святой Франциск, тощий босой бродяга, стоит с развевающимися бронзовыми властями, воздевая руки, словно выпуская на свободу стаю птиц. Как правило, памятник установлен вблизи особо роскошных отелей. И кажется, что эти тощие руки призывают богатых туристов остановиться, опомниться, отрешиться от всего земного, стать свободными и беспечными, как птицы небесные...

В Сорренто он тоже стоял неподалеку от великолепного пятизвездочного отеля на берегу залива.

В тот день мы решили поехать в Неаполь, а на обратном пути завернуть в Помпеи.

Вездесущий Везувий парит здесь на горизонте повсюду, куда ни глянь. Весьма почитаем. Ведь извергался он отнюдь не только в Последний-День-Помпеи; чувствуется, что многочисленными картинами, открытками и фотографиями жители окрестных городков и поселков стараются забормотать, заворожить и ублажить идола.

В забегаловке у вокзала в Сорренто, куда мы зашли выпить кофе перед электричкой на Неаполь, на стенах висели несколько истошных по цвету картин. Эмоциональный художник передал на них разные стадии извержения знаменитого вулкана. Над сервировочным столиком в углу висело изображение, очевидно, апогея: багрово-черная струя била из жерла горы, как из брандспойта. Все эти полотна неуловимо напоминали наглядные пособия на стенах вендиспансера – вероятно, сочетанием интенсивных оттенков желтого и лилового.

– Во! – проговорил Боря. – Во, как оно было... красочно! Богато!

Из окон электрички, огибающей подошву Везувия – даже глаз устает от блеска полиэтиленовой пленки, – видимо-невидимо парников и виноградников. Что и говорить: почва хорошо удобрена. Сердитый господин V. неплохо позаботился о нынешних фермерах.

Неаполь оглушает и закручивает уже на выходе из вокзала.

Говорят, полиция здесь совершенно беспомощна. Во всяком случае, на стенке табачного киоска я сама видела написанное углем: «Ай фак полиция».

Зато она гудит. Беспрестанно гудели автомобили и мотоциклы карабинеров, тормозя движение транспорта на хронически запруженных улицах.

Полуторамиллионный портовый Неаполь, эта «Столица королевства Обеих Сицилии», производит оглушительное впечатление огромного, пластами застроенного и заваленного церквями, музеями, театрами, верфями, дворцами и отелями пространства; когда в ряду облупленных – красно-черных или серо-красных – домов вдруг один отремонтирован, он выглядит едва ли не чужероднее и страннее, чем вся улица. Поворачиваешь за угол и вдруг упираешься в исполинские ступени к гигантским мраморным колоннам, будто бы одну из прошлых цивилизаций великанов сменила другая, а остатки декораций никому не нужны. Римляне, византийцы, анжуйцы, арагонцы, французы словно продолжают присутствовать здесь, заполняя воздух над головами звоном шпак и ржанием коней, руганью и свистом;

перекрикивая друг друга, выталкивая, ссорясь из-за места на карнизе или колонне, насвистывая, залихватски трубя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.